И.С. Пекунова

О двухвариантности склонения в славянских языках

1

1.0. Известно, что одна из наиболее ярких черт славянского склонения — это последовательное различение вариантов именных окончаний при разных исходах основ. Обычно говорят о «твердых» и «мягких» основах и, соответственно, о парных — «твердых» и «мягких» — окончаниях. Таким образом ведущим здесь предполагается своеобразный механизм согласования: «мягким» основам — «мягкие» окончания, а «твердым» основам — окончания «твердые». Постольку поскольку в славянском словоизменении основы в норме C-конечны, а окончания V-начальны, речь могла бы идти о согласовании по признакам твердости/мягкости согласных и ряда (задний/передний) гласных. Ср., например, для русского языка [Виноградов 1952: 77], [Зализняк 2003: 26]; для чешского — [Широкова 1990: 79], [Лешка 1973: 738]; для польского — [Тихомирова 1988: 71]; для сербохорватского — [Толстой 1958: 1111, сл.]; для словенского — [Мечковская 1991: 38].

1.1. Между тем конкретное содержание оппозиции «твердые/мягкие» для основ в разных языках оказывается различным; более того, далеко не всегда оно напрямую скоррелировано с одноименной фонетико-фонологической оппозицией согласных. Ср., например: «Существительные с основами, заканчивающимися на твердые заднеязычные *k*, *g*, *ch*, в зависимости от родовой принадлежности слова, примыкают либо к твердой, либо к мягкой разновидности» [Тихомирова 1988: 72]. Ср. также «Особенно “не везет” йоту, который — парадоксальным образом — являясь фонетически “воплощенной мягкостью” [...], морфонологически оказывается твердым!» [Еськова 1971].

1.2. То же верно и в отношении различения «твердые/мягкие» для вариантов окончаний: далеко не всегда оно сводится к противопоставлению «мягкого» варианта окончания с начальным передним гласным «твердому» варианту с начальным непередним.

Так в словенском имеем ISgmn -*om* в твердой разновидности и -*em* в мягкой разновидности, то же окончание в DPlmn: -*om*/-*em*; так же GPlm -*ov*/-*ev*, DIDumn -*oma*/-*ema*, например ISg *grehom* и *možem*.

В чешском имеем LPlf твердая разновидность — -*ách*, мягкая разновидность — -*ích*, а в IPlf твердая разновидность — -*ami*, мягкая разновидность — -*emi*, например: LPl *ženách*, *nůších* и IPl *ženami*, *nůšemi*.

Однако, например, в польском в LSgmn в окончании твердой разновидности представлен передний -*e*, а в окончании мягкой разновидности — задний -*u*, например: *nos* — *nosie* и *nož* — *nożu*. В словацком в GSgf -*i* (орфографически -*y*) — окончание твердой разновидности, -*e* — окончание мягкой разновидности, а в LDSgf наоборот: -*e* — твердая, -*i* — мягкая разновидность, например: *žena* — GSg *ženy*, DSg *žene* и *baňa* — GSg *bane*, DSg *bani*.

1.3. Как известно, для праславянского предполагается различие в склонении так называемых *o*-основ и *jo*-основ, также *a*-основ и *ja*-основ.

При этом гласная маркирует род именной основы (женский — гласная *a*, мужской или средний — гласная *o*). Соответственно *a*-основы и *o*-основы могут рассматриваться как единый словоизменительный тип с дополнительным распределением тематических показателей по роду. Выбор же между *o*- и *jo*-, также *a*- и *ja*-склонением, оказывается собственно парадигматическим, то есть определяемым словарной характеристикой склоняемого слова, что показывают такие примеры, как **zim-a* и **zem-ja* или **sel-o* и **pol-je*.[1]

1.4. В виду характерного для истории славянских языков устранения сочетаний вида CjV, оппозиция сочетаний CV~CjV, образующаяся на морфологическом шве, может иметь результатом своего развития, вообще говоря, либо оппозицию, манифестируемую одними гласными: (1) CV*x*~CV'*x* (где *x* — быть может пустая последовательность сегментов, завершающая флексию), либо оппозицию, манифестируемую одними согласными: (2) CV*x*~C'V*x*, либо, наконец, оппозицию, манифестируемую как гласными, так и согласными: (3) CV*x*~C'V'*x*.

В самом деле, учитывая фонетическую реализацию рассматриваемых оппозиций, понятно, что речь идет о трех способах интерпретации звуковой цепочки вида [t˙ä]: как t˙+a, как t+ä или как t˙+ä.

---

[1] Подобным образом устроена система склонения современного литовского языка — ср. типы склонения *výras*, *výro* (NSgm -*as*, GSgm -*o*) и *brólis*, *brólio* (NSgm -*is*/*ys*, GSgm -*io*): их окончания во всех формах, кроме NSg, ASg, LSg, либо совпадают, либо различаются лишь на начальное *i*. Показательно при этом, что одна и та же основа в литовском может принимать окончания обоих типов, причем тип *brólis* часто представляет собой специфическое словообразовательное средство. Ср.: *baĩsas* (голос) — *baĩsis* (гласный звук), *dũ kas* (злоба, бешенство) — *dũ kis* (то же), ср. также *béržas* (береза) — *pabéržis* (гриб волнушка) и др.

1.5. Оценим все три варианта развития с парадигматической точки зрения:

	Исходное состояние	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Вид оппозиции на морфологическом шве	C.V*x*~C.jV*x*	C.V*x*~C.V'*x*	C.V*x*~C'.V*x*	C.V*x*~C'.V'*x*
Характер распределения флексионных показателей	Флексионные показатели распределены собственно парадигматически: разные показатели при сходных основах		Флексионные показатели тождественны	Флексионные показатели дополнительно распределены по сегментному исходу основы[2]
Парадигматические типы	2 разных парадигматических типа		Единый парадигматический тип	

Таким образом, при первом варианте речь идет лишь о собственно сегментных изменениях флексионных показателей, не влияющих на число и состав парадигматических типов: j «поглощен» гласным окончания — соответственно, окончания различны, а бывшие йотированные и нейотированные основы сами по себе неразличимы.

При втором варианте — сегментные изменения приводят к совпадению ранее различных наборов окончаний и, соответственно, к «склеиванию» парадигматических типов: j здесь «поглощен» согласным основы, а гласные окончаний тождественны у бывших йотированных и нейотированных основ.

В первом случае число типов склонения не сокращается, поскольку распределение их по-прежнему собственно парадигматическое. Во втором случае вместо двух (йотированного и нейотированного) типов формируется один набор окончаний, присоединяемый к основам с различными исходами (фактически увеличивается число согласных фонем, представленных в исходе основы — см. сноску 2).

При третьем варианте развития происходит нетривиальная морфологическая перестройка: пары флексий вида V*x*/V'*x* оказываются дополнительно распределенными по сегментному исходу основы; а именно: V'*x* — после C' и V*x* — после C. Здесь имеет место сокращение числа словоизменительных типов, но не за счет совпадения флексионных показателей, как при втором варианте, а за счет приписывания основам нового парадигматически релевантного качества: характер сегментного исхода основы определяет, какие флексии могут к ней присоединяться. Перестройка эта приводит к установлению специфического морфологического механизма, называемого далее двухвариантностью.

1.6. Двухвариантность в словоизменении имеет место, если:[3]

1) Некоторые пары грамматически одноименных флексий различаются только начальной гласной и, соответственно, имеют вид V*x*/V'*x*, где оппозиция V~V' есть регулярное (представленное в значительном числе морфем) соотношение гласных.

2) Пары грамматически одноименных флексий вида V*x*/V'*x* дополнительно распределены по предшествующей согласной, то есть согласной, заканчивающей основу. Таким образом, все согласные разбиваются на два класса: при основах с исходом на согласные класса C^{I} выступают флексии вида V*x*, а при основах с исходом на согласные класса C^{II} — флексии вида V'*x*. Классы согласных C^{I} и C^{II} получают специальные названия: морфонологически твердые и морфонологически мягкие.

3) При этом: (а) оппозиция V~V' сопряжена с оппозицией гласных по ряду; и (б) оппозиция C^{I}~C^{II} сопряжена с оппозицией согласных по твердости/мягкости.

Для противопоставления классов C^{I} и C^{II} условие сопряженности с противопоставлением согласных по твердости/мягкости предполагает, что если в исходе основ имеются пары согласных, коррелятивных по твердости/мягкости (например, /p/ и /p'/, /d/ и /d'/), то члены таких коррелятивных пар всегда попадают в разные классы по оппозиции C^{I}~C^{II} (например, /p/ попадает в класс C^{I}, а /p'/ — в класс C^{II}), причем все одноименные члены коррелятивных пар попадают в один класс по оппозиции C^{I}~C^{II} (например, твердые /p/ и /d/ попадают в класс C^{I}, класс морфонологически твердых, а мягкие /p'/ и /d'/ — в класс C^{II}, класс морфонологически мягких). Следует подчеркнуть, что как в класс морфонологически твердых, так и в класс морфонологически мягких могут входить и согласные, непарные по твердости/мягкости; более того, такие непарные согласные обязательно будут представлены хотя бы в одном из классов, поскольку корреляция по твердости/мягкости (по крайней мере ни в одном из славянских языков) не охватывает всех согласных.

---

[2] Заметим, что при оценке третьего варианта развития предполагается, что сегменты типа C' ранее (в исходном состоянии) не были представлены в исходах основ — в противном случае нельзя говорить о посегментном дополнительном распределении, поскольку при старых основах с исходом на C' в этом случае сохраняется парадигматическое распределение флексионных показателей.

[3] Мы рассмотрим случай C-конечных основ и V-начальных флексий как отвечающий славянской морфологической структуре, расширение понятия двухвариантности на другие ситуации большого труда не представляет, однако для целей настоящей заметки не нужно.

Так же, с соответствующими изменениями, формулируется и условие сопряженности оппозиции V~V' в анлауте флексий с оппозицией гласных по ряду. Отметим особо, что среди двухвариантных флексий (то есть флексий вида V*x*/V'*x*) могут присутствовать и такие, в которых соотношение гласных V/V' формируется гласными, не составляющими коррелятивной пары по признаку ряда.[4]

Замечание. Свойство, представленное в п. 3, занимает несколько особое положение. Во-первых, для проверки соблюдения условий сопряженности необходимо обращение к фонологическому анализу, который, как известно, именно в части корреляции согласных по твердости/мягкости, а гласных по ряду для славянских языков далеко не тривиален. Во-вторых, для большинства славянских языков в рамках такого анализа соответствующие фонологические оппозиции устанавливаются взаимоисключительно: либо на согласных, либо на гласных. В этом смысле, возможно, особое место занимает старославянский (см., в частности, [Трубецкой 2004: 249]).

Целесообразно оказывается выделять так сказать к а н о н и ч е с к у ю двухвариантность, включающую все вышеназванные свойства (в том числе и условия сопряженности), и неканоническую — где какие-либо из свойств нарушаются.

1.7. Таким образом развитие «раннепраславянской» системы по третьему типу (см. § 1.5) приводит к ситуации канонической двухвариантности склонения в «позднепраславянской» системе. Каноническая двухвариантность представлена и в старославянском.[5]

Для каждого из новых славянских языков встают следующие два вопроса: с одной стороны, вопрос о судьбе старой (позднепраславянской) двухвариантности, и, с другой стороны, вопрос о синхронных характеристиках двухвариантности, если она есть в данном языке.

1.8. Цель настоящей заметки — показать, что двухвариантность целесообразно рассматривать как специфический морфологический механизм, подлежащий независимому изучению, с одной стороны, в плане диахроническом, а с другой стороны, в плане синхронно-типологическом.

Выполнение намеченной программы с надлежащей скрупулезностью и полнотой, требующее прежде всего тщательной разработки соответствующих разделов синхронной грамматики привлекаемых к сравнению языков, дело будущего. Однако, некоторые первоначальные наблюдения, демонстрирующие само содержание проблемы, удается сформулировать, пусть несколько конспективно и приближенно, заранее. Некоторые из этих формулировок, по необходимости без обоснования, приводятся во второй части.

2

2.1. С т а р ы е и н о в ы е д в у х в а р и а н т н ы е ф л е к с и и. Под старыми двухвариантными флексиями в том или ином славянском языке понимаются такие двухвариантные окончания, которые представляют собой результат стандартного фонетического развития определенной позднепраславянской (в смысле § 1.7) двухвариантной флексии. Таковы, например, в сербохорватском флексии ISgmn *-от*/*-ет* (< **-оть*/*-еть*); в польском флексии LDSgf *-е*/*-i* (< **-ě*/*-i*) и NAPlf *-i*/*-е* (< **-y*/*-ę̌*).

Заметим, что в ряде случаев там, где в соответствии со стандартным фонетическим развитием ожидалось бы двухвариантное окончание, в результате морфологической перестройки обобщается окончание моновариантное, ср. в сербохорватском LDSgf **-ě*/*-i* → *-i* и NAPlf **-y*/*-ę̌* → *-е* (в обоих окончаниях обобщен мягкий вариант); в русском LSgmn и LDSgf **-ě*/*-i* → *-е* (обобщен твердый вариант[6]).

Напротив, в некоторых языках появляются новые, этимологически не обусловленные, двухвариантные флексии. Таковы, например: в польском флексия LSgmn *-е*/*-u* (на месте двухвариантной флексии LSgmn **-ě*/*-i*), где твердый вариант получен путем стандартного развития из одноименного варианта поздне-прасл. окончания, а мягкий вариант представляет результат заимствования окончания из другого типа склонения: а

---

[4] Так, например, в старославянском имеем двухвариантные флексии *о*/*е*, *оть*/*еть*, *ого*/*его* и т. п. — с соотношением гласных *о*/*е*, составляющих коррелятивную пару вида «задний ряд/передний ряд», также коррелятивное соотношение представлено в парах двухвариантных флексий *у*/*i*, *уjiть*/*ijiть*, *уjimi*/*ijimi*. Напротив, в двухвариантных флексиях *у*/*ę*, *уję*/*ęję* представлено соотношение гласных *у*/*ę*, не коррелятивных по ряду (соответствующие коррелятивные пары: *у~i* и *ǫ~ę*), однако не нарушающее условия сопряженности. Также обстоит дело с соотношением гласных *ě*/*i* во флексиях *ě*/*i*, *ěхъ*/*iхъ*, *ěmi*/*imi* и т. п., где фонема *ě* лежит вне корреляции по ряду.

[5] Заметим, что в старославянском (как и в «позднепраславянском») не все окончания двухвариантных типов склонения двухвариантны: так NPlm в субстантивном типе имеет моновариантную флексию *-i* при любых основах. Формально можно говорить о том, что для одних флексий имеет место развитие по второму типу, а для других — по третьему типу (в смысле § 1.5). При этом двухвариантность представлена здесь не только в именном, но и в глагольном словоизменении (так, например, в ImvPl твердый вариант окончания *-ěte*, мягкий вариант *-ite* — ср. то же соотношение вариантов, например, в LPlmn *-ěхъ*/*-iхъ*) и в словообразовании (ср. *gor'.estь* и *skor.ostь* или *suj.eta* и *kras.ota*) — правила распределения вариантов и соотношения начальных гласных те же, что для именных окончаний.

[6] Кроме слов с основой на *-ij-*.

именно, склонения так называемых праславянских u-основ; в словацком флексия GPlnf -∅/-*ī* (на месте флексии GPlmnf *-ъ/-ь), где также заимствован мягкий вариант — из склонения так называемых i-основ; в русском флексия GPlm -*ov*/-*ej*, где заимствованы оба варианта — твердый из склонения u-основ, а мягкий из склонения i-основ. Заметим, что во всех этих случаях двухвариантность уже не может считаться канонической (поскольку для новых двухвариантных флексий нарушается условие 1 § 1.6).

Развитие новых двухвариантных флексий оказывается напрямую скоррелированным с развитием в языке фонологической корреляции согласных по твердости/мягкости. Так, новых двухвариантных флексий нет в сербохорватском и словенском — языках, не развивших корреляции палатализации.[7] И обратно, новые двухвариантные флексии возникают в языках с развитой корреляцией палатализации — таковы, например, польский, словацкий, верхнелужицкий, русский, украинский.

2.2. Разрушение системы двухвариантности может выражаться не только в потере этимологической двухвариантности тех или иных флексий, но и в потере лежащего в основе самого механизма двухвариантности принципа дополнительного распределения вариантов окончаний.

Тривиальным образом это происходит в том случае, когда рефлексы двух этимологически различавшихся по двухвариантности согласных (морфонологически твердого и морфонологически мягкого) совпадают, а различение этимологических вариантов окончаний при соответствующих основах сохраняется. Такая именно ситуация имеет место в чешском, где основы на -*l* и -*z* в двухвариантном типе склонения ведут себя в отношении системы двухвариантности аномально — то есть, соответствующие согласные расцениваются то как морфонологически твердые, то как морфонологически мягкие, в соответствии с этимологией. Ср., например, в мужском роде: *vůl* — LPl *volech* и *učitel* — LPl *učitelích*, так же *vůz* и *vítěz*, в женском роде: *střela* — GSg *střely* и *vůle* — GSg *vůle*, где двухвариантно и окончание NSg, и т. п.[8]

Возможны, однако, и более сложные перераспределения этимологических вариантов. Так, в сербохорватском, в отношении единственного представленного здесь типа двухвариантности (во флексиях с начальным *o*/*e*), морфонологически мягкими являются все основы на дентопалатальные (*c*, *č*, *ž*, *š*, *n'*, *l'*, *ć*, *đ* — все эти согласные представляют рефлексы поздне-прасл. морфонологически мягких), а также часть основ на *r*, а именно — основы на этимологически мягкое *r* (ср. *море* и *перо*). Таким образом, для основ на *r* в сербохорватском ситуация та же, что для основ на *l* и *z* в чешском.

Эта этимологически прозрачная картина, однако, по крайней мере в одной точке нарушается. А именно — в окончании ISgm принцип этимологической двухвариантности в распределении вариантов отчасти заменяется, а отчасти дополняется следующим любопытным принципом «расподобления гласных»:

<table>
<tr><th></th><th colspan="3">последняя гласная основы</th></tr>
<tr><th>исход основы</th><th>o</th><th>e</th><th>иначе</th></tr>
<tr><td>r (этимол. мягк.)
c, č, ž, š</td><td rowspan="2">-*ем*
(*ножем*, *коњем*)</td><td rowspan="2">-*ом*
(*јежом*, *кељом*)</td><td>-*ем* или -*ом*
(*певачем*// *певачом*)</td></tr>
<tr><td>ć, đ, l', n', j</td><td>-*ем*
(*змајем*)</td></tr>
<tr><td>иначе</td><td colspan="3">-*ом*</td></tr>
</table>

Таким образом, собственно двухвариантность в этом окончании все же присутствует (для основ, последняя гласная которых отлична от *o* и *e*), однако разбиение согласных — иное чем при прочих двухвариантных флексиях.

2.3. Новые двухвариантные флексии. Полного обновления состава двухвариантных флексий ни в одном из новых славянских языков, по всей видимости, не происходит. Наряду с новыми двухвариантными флексиями сохраняются, как правило, и старые. Несколько особое положение занимает в этом смысле русский язык, где старая двухвариантность сводится, вообще говоря, к чисто орфографической (ср. GSgf *стрелы*/*земли* или ISgmn *сном*, *отцом*, *ножом*/*конём* при ударном окончании и *дедом*/*перцем*, *мужем*, *воплем* при безударном), а на фонологическом уровне представлена только двухвариантность новая — в единственном фонологически двухвариантном окончании GPlm -*ov*/-*ej* (ср. *снов*, *отцов*, *краёв*, *страхов*, *старцев*, *случаев*/*ножей*, *коней*, *ключей*, *ливней*, *матчей, родичей*).[9] Однако, в склонении местоимений

[7] В сербохорватском, однако, положение несколько сложнее, поскольку пары /n/~/n'/, /l/~/l'/ а также /t/~/ć/, /d/~/đ/ можно считать формирующими корреляцию по твердости/мягкости; ср. ниже § 2.2 и § 2.4.

[8] Так же обстоит дело с основами на -*r* в словацком, но там наблюдается явное стремление к ликвидации этой аномальной ситуации (так, в мужском роде этимологическая мягкость фактически релевантна только для основ с суффиксом *ár*/*iar*).

[9] Под ударением двухвариантно, вообще говоря, и окончание GPlfn -∅/-*ej*, однако здесь имеется ряд нарушений.

сохраняется старое окончание с фонологически «неустранимой» двухвариантностью вида *о*/*е* — это окончание GLDISgf -*oj*/-*ej* (ср. *этой*, *самой*, *иной*/*сей*, *моей*, *чьей*).[10]

2.4. Новые разбиения согласных по двухвариантности. Из приведенных выше примеров видно, что разбиения согласных, отвечающие в русском новой и старой двухвариантности, различны, хотя оба они сопряжены (в смысле § 1.6) с фонологической корреляцией согласных по твердости/мягкости. Для новой двухвариантной флексии GPlm разбиение некоррелятивных согласных противопоставляет основы на шипящие -*č*, -*ž*, -*š*, -*ş* (принимающие мягкий вариант окончания) основам на заднеязычные, -*c* и -*j* (принимающим твердый вариант). Как справедливо отмечает Н. А. Еськова [Еськова 1971], такое распределение необъяснимо ни фонетически, ни этимологически.[11]

Более широкое исследование вопроса о том, каковы в современных славянских языках разбиения согласных, отвечающие новой двухвариантности, показывает, что разбиения эти с одной стороны, всегда оказываются сопряженными с корреляцией по твердости/мягкости (развитие которой отмечается, как уже указывалось, во всех языках, имеющих новые двухвариантные флексии), а с другой стороны, в зоне некоррелятивных согласных, такие разбиения, как правило, сопряжены не с этимологическим (наследники позне-прасл. морфонологически твердых vs. наследники позне-прасл. морфонологически мягких), а с тем или иным синхронно-морфонологическим разбиением. Это разбиение может быть тривиальным — все некоррелятивные по твердости/мягкости согласные попадают в один класс в отношении морфонологической твердости/мягкости, — или нетривиальным. К тривиальному случаю приближается (с учетом разговорных новаций), при определенном фонологическом решении, ситуация в современном польском: здесь по новой двухвариантной флексии LSgmn -*e*/-*u* все некоррелятивные согласные относятся к мягкому варианту, а по новой двухвариантной флексии GPlm -*uv*/-*i* — к твердому. Ср., LSgm *ptak—ptaku*, *kupiec—kupcu*, *miecz—mieczu*, *kraj—kraju* как *koń—koniu* при *gawron—gawronie*; но GPlm *ptaków*, *kupców*, *mieczów*, *krajów* как *gawron—gawronów* при *koń—koni*.

Нетривиальное разбиение представлено в русском, где оно оказывается сопряженным с классами согласных, выделяемыми по сочетаемости с *j*. Так в русском сочетания *kj*, *gj*, *xj*, *cj*, *jj* запрещены — и соответствующий класс согласных относится к морфонологически твердым, а сочетания *čj*, *žj*, *šj*, *şj* нормальны (ср. *чья*, *мужья*, *шью*, *вещью*) — и соответствующий класс согласных (шипящие) относится к морфонологически мягким.[12]

2.5. Особого рода иллюстрацией к понятиям «старых» и «новых» двухвариантных флексий и их связи с корреляцией по твердости/мягкости может служить материал так называемого раннедревненовгородского диалекта (по изданию [Зализняк 1995]).

Основная ценность этого примера в том, что хотя условность понимания отношений между раннедревненовгородской системой и системой позднепраславянской как отношений между системой-наследником и системой-прототипом очевидна, сама процедура установления как синхронных, так и этимологических характеристик двухвариантности в древненовгородской системе корректна и продуктивна.

В несколько идеализированном виде (устранены все стандартные древнерусские варианты окончаний) основной двухвариантный набор окончаний в раннедревненовгородском выглядит так:

---

[10] Как известно, в части русских говоров эта старая двухвариантность устранена, так же, как и в одноименном окончании адъективного склонения и в субстантивном окончании ISgf, ср. *стернёй*, *душой*, *струёй*; *большой*, *чужой*. См., например, [Кузнецов 1953: 139], [ДАРЯ II: 77].

[11] Для старой двухвариантной флексии местоименного склонения разбиение основ по существу неизвестно — слов с флексионным ударением и исходом основы на шипящие, заднеязычные и *c*, склоняющихся по местоименному типу, просто нет. Известно только, что основы с исходом на коррелятивно твердые согласные принимают окончание -*ой*, основы с исходом на коррелятивно мягкие и *j* — окончание -*ей*. При этом, каково бы ни было распределение при прочих основах, данный случай двухвариантности отличается от представленного окончанием GPlm субстантивного склонения уже отнесением основ на *j* к мягкому варианту. Типологические наблюдения свидетельствуют, что с одной стороны, при старой двухвариантности вероятно действие этимологического принципа в разбиении некоррелятивных по твердости/мягкости согласных, а с другой стороны, маловероятно сосуществование в языке двух противоречивых принципов разбиения согласных по «сильной» (фонологически неустранимой) двухвариантности, если один из этих принципов не является этимологическим. Приведенные соображения, а также тот факт, что генетически тождественная рассматриваемой сильной двухвариантности слабая (орфографическая) двухвариантность вида безуд. *о*/*е* следует в русском языке этимологическому принципу разбиения некоррелятивных согласных, позволяют предположить, что «потенциальное» разбиение некоррелятивных согласных по местоименной двухвариантности -*ой*/-*ей* — также этимологическое.

[12] Детальный разбор вопроса о новых разбиениях по двухвариантности выходит за рамки настоящих заметок. Отметим только, что новые разбиения представлены также в украинском, верхнелужицком и словацком, причем в последнем случае новым основанием разбиения служит, по-видимому, фонологическая корреляция согласных по глухости/звонкости.

<table>
<tr><th></th><th></th><th>m</th><th>n</th><th>f</th></tr>
<tr><td rowspan="7">Sg</td><td>N</td><td>є/ь</td><td rowspan="2">о/є</td><td>а/ѧ</td></tr>
<tr><td>A</td><td>ъ/ь</td><td>оу/ю</td></tr>
<tr><td>G</td><td colspan="2">а/ѧ</td><td rowspan="3">ѣ</td></tr>
<tr><td>L</td><td colspan="2">ѣ</td></tr>
<tr><td>D</td><td colspan="2">оу/ю</td></tr>
<tr><td>I</td><td colspan="2">ъмь/ьмь</td><td>ою/єю</td></tr>
<tr><td rowspan="7">Pl</td><td rowspan="2">N</td><td>и, ѣ</td><td rowspan="2">а/ѧ</td><td rowspan="2">ѣ</td></tr>
<tr><td>A</td><td>ѣ</td></tr>
<tr><td>G</td><td colspan="3">ъ/ь</td></tr>
<tr><td>L</td><td colspan="2">ѣхъ</td><td>ахъ/ѧхъ</td></tr>
<tr><td>D</td><td colspan="2">омъ/емъ</td><td>амъ/ѧмъ</td></tr>
<tr><td>I</td><td colspan="2">ы/и</td><td>ами/ѧми</td></tr>
<tr><td></td></tr>
<tr><td rowspan="3">Du</td><td>NA</td><td colspan="2">а/ѧ</td><td>ѣ</td></tr>
<tr><td>GL</td><td colspan="3">оу/ю</td></tr>
<tr><td>DI</td><td colspan="2">ома/ема</td><td>ама/ѧма</td></tr>
</table>

Легко видеть, что флексии, начинающиеся на ѣ, моновариантны — этимологическая двухвариантность вида **ě/i* (LSgmn, LDSgf, LPlmn) здесь устранена. С другой стороны, флексия NSgm -є/-ь представляет «новую» двухвариантность, этимологически, как известно, пока необъяснимую.

Вопрос о разбиении согласных на морфонологически твердые и морфонологически мягкие связан с рядом сложностей, главным образом, из-за неясности, какое именно окончание NSgm — -є или -ь принимают основы с исходом на этимологические **c* и **dz* (см. [Зализняк 1995, § 3.8]). Для состояния, характеризующегося, с одной стороны, неперестроенным по сравнению с поздне-прасл. консонантизмом (до развития корреляции твердости/мягкости), а с другой стороны, наличием цоканья, принцип дополнительного распределения вариантов окончания NSgm может быть соблюден только при условии, что основы на **c* принимают мягкий вариант окончания — -ь (так же, как основы на **č*), а основы на **dz* — твердый вариант окончания — -є (так же, как основы на **z*). Имеющийся материал слишком ограничен, но в целом не противоречит возможности именно такого описания для раннедревненовгородской системы:

	основы на **c*	основы на **dz*
NSgm -ь	климѣц[ь] (417) офромѣюць (161) ѧкове[ць] (521) филипець (137) бориць (463 2×) <новгородечь (ГВНП 71)>[13]	<къ[н]ѧз[ь] (724)> <кнѧзь (332[a])>
всего надежных примеров	6	0
NSgm -є	нездильцє (Хрест. 35) <колбинць (389)>	кнѧзє (ГВНП 60 4×) knesze (Фенне, 251)
всего надежных примеров	1	5

[13] В угловые скобки взяты примеры, представляющиеся по каким-либо причинам не вполне надежными, в круглых скобках указаны источники — подробнее см. [Зализняк 1995, § 3.8] и соответствующие тексты.

Литература

Виноградов 1952 — В. В. Виноградов. Современный русский язык. Морфология. М., 1952.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Карты. Выпуск II. Морфология. М., 1989.

Еськова 1971 — Н. А. Еськова. О морфологических и морфонологических соотношениях между флексиями родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке. Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 170—177.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 2003.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Лешка 1973 — О. Лешка. Грамматический очерк чешского языка // Чешско-русский словарь. М.-Прага, 1973. Т. II. С. 731—861.

Мечковская 1991 — И. Б. Мечковская. Словенский язык. Минск, 1991.

Тихомирова 1988 — Т. С. Тихомирова. Курс польского языка. М., 1988.

Толстой 1957 — Н. И. Толстой. Краткий очерк грамматики сербско-хорватского языка // Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1958. С. 1103—1168.

Трубецкой 2004 — Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М., 2004.

Широкова 1990 — А. Г. Широкова, В. Ф. Васильева, А. Едличка. Чешский язык. М., 1990.